

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“НUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 25 de febrero de 1960

Буэнос Айрес, четверг 25 февраля 1960 года № 526

Н. Потоцкий

Голос правды

Нет в нынешнее время более лживой и более отвратительной в глазах подлинных христиан идеи, как идея “мирного сосуществования” тех стран, главы которых претендуют на роль защитников христианской цивилизации, с теми властителями поработанных народов, которые никогда не скрывали своего намерения именно с этой цивилизацией покончить навсегда, чтобы заменить её царством обезбоженных роботов, из души которых самое имя Христа будет вытравлено навеки.

Нельзя, поэтому, не порадоваться, что этой подлой и лицемерной идее сейчас нанесен мощный удар, если и не в области практической политики, то, во всяком случае, в не менее важном деле громогласного обличения ее полного противоречия с теми духовными ценностями, от которых еще не совсем отключилось современное цивилизованное человечество. И чрезвычайно важно, что этот удар был нанесен лицом, которое в глазах многих миллионов падших христиан не может по своему положению не пользоваться весьма значительным моральным авторитетом Римский кардинал Оттавиани, секретарь Конгрегации Св. Оффиса, т. е. глава верховного трибунала Католической Церкви, в одной из своих замечательных проповедей в базилике Св. Марии в самой резкой форме и с полным небрежением ко всяким ораторским сглаживаниям острых углов и дипломатическим словоблудиям обрушился на тех высших государственных деятелей, которые унижают свое личное и национальное достоинство, находя возможным подавать руку явным убийцам, рассыпаться перед ними в любезностях и расточать им улыбки в надежде заслужить их благоволение для достижения искреннего и прочного мира. Этим правителям, выставляющим себя в глазах управляемых ими масс верными сынами своих христианских Церквей, прямо в лицо бросил этот выдающийся пастырское бичующее, правдивое и недвусмысленное слово. Вот оно:

“История Каина и Авеля запечатлелась в веках. И пока будет Каину возможно убивать Авеля при всеобщем отсутствии реакции; пока будет возможно держать под игмом целые народы без того, чтобы кто-нибудь выступил на защиту этих несчастных, обращенных в рабство; пока можно будет видеть, как теперь, три года спустя после венгерского восстания, продолжающиеся смертные приговоры студентам, крестьянам и рабочим, единственной виной которых была любовь к свободе раздавленной чужеземными танками, без того, чтобы мир приходил от этого ужас, — до тех пор никто не будет иметь права говорить о настоящем мире, но лишь о “сосуществовании и сожительства с убийцами”, от которых не хотят потребовать отчета.

“Уже десятки лет, как во имя, так называемой, гуманитарной и социальной теории установилась в мире бесстыдная правительственная техника, которую ввели люди, завладевшие властью при помощи средств, которые вы знаете, и которые, имея в своем распоряжении все командные рычаги, отправляют в ссылку, бросают в тюрьму, убивают и создают вокруг себя пустыню...”

“Мы переживаем эпоху Тамерлана. В разгар двадцатого века нам пришлось оплакивать массовые убийства и депор-

тации, зверства, подобные тем, которые разыгрались в Катинском лесу и залили кровью улицы Будапешта. И этого еще недостаточно! И что же мы видим? Не только уже никто не стыдится пожимать руки этим новым антихристам, но торопятся пожать им их первыми, обмениваются с ними сладкими улыбками.

“Как можно объяснить это торжество Каина? Каким образом опустили мы до такой степени позора? Как могут миллионы и миллионы “цивилизованных” людей аплодировать насилью, тирании, жестокости? Это ли триумф нового человека, слава новой цивилизации? И никто не возмущается тем, что стремятся задуть самую идею Бога в человеческом сердце. Это ли проявления социальных достижений?”

“Бросают вызов самому небу, чтобы путем междупространственных подвигов доказать, что Бога нет, в то время, как земля, погруженная в траур, стонет под тяжестью цепей.

“Тот факт, что великие преступления становятся все более и более частыми и тяжелыми, приводит к притуплению чувствительности, даже у христиан. Но могут ли те, кто называет себя христианами, игнорировать преступления, которые совершает антихристианизм, те, которые не возмущаются теми ранами, которые этот антихристианизм наносит Тречистому Телу Христа? Не только, как люди, но и как христиане, эти люди не реагируют на эти преступления, не возмущаются ими”.

“Многие епископы брошены в тюрьму, отправлены в ссылку или лишены возможности исполнять свои пастырские обязанности. Кардинал Минсенти — пленник. Кардинал Степинац — оставался под надзором полиции до самой своей смерти. Пражский архиепископ Беран исчез 11 лет тому назад. А в то же время публику развлекают биграфиями актрис и спортсменов, скандалными происшествиями или ужасными преступлениями.

“Политики и государственные деятели, занимающие ответственные посты, отлично знают, что в половине Европы не существует абсолютно никакой свободы. Они знают, что в мире, где царит самый абсолютный и самый необразимый произвол, мы каждый момент рискуем быть сброшенными в апокалиптическую бездну. Они знают, что очень хорошо, но один подпадает под влияние других, а в то же время не могут прийти к согласию между собой, или же ведут себя, как ослепшие от страха.

“Может ли настоящий христианин лгать и расшаркиваться перед убийцей своих братьев, который, не ограничиваясь отрицанием Бога, Его оскорбляет жестами дикого вызова, гонит Его служителей и Его детей? Может ли настоящий христианин объявлять себя сторонником союза с помощниками с сообщниками тех, которые подготавливают и благоприятствуют пришествию режима террора в странах, которые еще остаются свободными?”

“Как можем мы позволить себе удо-

По требованию врачей, лечащих Вс. К. Дубровского, посещения большого все еще категорически воспрещены.

По всем делам редакции и конторы газеты “НАША СТРАНА” просим обращаться к Т. В. Дубровской исключительно по телефону 52-7426.

влетворяться какой-то “оттепелью”, в то время, как в действительности не может быть в человечестве никакого успокоения вне самого элементарного уважения свободы совести, свободы нашей христианской веры и благоговения перед Лицом нашего Спасителя, снова покрываемого плевками, заушенного и увеченного тернием?”

“Можно ли протягивать руку тем, кто совершает всё это?”

Эта проповедь вызвала бешенство коммунистов. “Юманитэ” с пеной у рта обвинило кардинала Оттавиани в том, что он “объявил войну сосуществованию”. “Либерасьон” вопит о том, что он “призывает к священной войне”, и сожалеет, что не существует международных законов для наказания “поджигателей войны и врагов мира”. Лжелиберальная печать стремится представить проповедь Оттавиани, как выражение его личной тенденции, в то время как нет никакого сомнения в том, что Папа Иоанн XXIII одобрил его выступление, ибо на следующий день кардинал был принят Папой и вышел от него удовлетворенный и улыбающийся. И можно с полным основанием ожидать, что наиболее совестливые верующие государственные люди призадумаются и отдадут себе отчет в том, с кем стремятся они усановить нормальные и дружеские отношения, кому протягивают они свою руку, и можно ли, делая это, оставаться не только подлинным христианином, но и просто порядочным человеком. Коммунистов же особенно уязвляет тот факт, что кардинал Оттавиани — выходец из простой крестьянской семьи, подлинный сын народа, а не какой-нибудь аристократ...

Конечно, с нашей русской точки зрения, кардинал мог бы, говоря о поработении половины Европы коммунизмом, сказать, что первой жертвой его явился народ Русский, а, говоря о католических прелатах, вспомнить, что этой, антихристовой властью были умерщвлены тысячи православных пастырей и служителей Христа.

Но спасибо ему и за то, что он бесстрашно и открыто возвысил на весь мир свой голос, чтобы указать на тот религиозно-нравственный упадок, до которого снизилось не какие-нибудь нищие духом или обманутые советской пропагандой маленьке люди улицы, но вершители судеб целых культурных народов, кланяющиеся на Св. Писании в момент их пришествия к власти, а затем позорно предающие заветы своего Божественного Учителя. Думают ли они, что им придется дать ответ Ему?”

Н. Потоцкий

Типично Русскую форму Монархии я называю с а м о д е р ж а в и е м. Это — не абсолютизм, это — по выражению еп. Серафима Троицкого, — симфония совместной работы Церкви, Царя и Народа.

Ив. Солоневич

К ДРУЗЬЯМ!

Дорогие друзья!

Каждый день почта приносит множество писем, полных трогательного внимания и заботы о моем здоровье. Отдавая все мои силы и все мое здоровье работе на благо нашей Великой Родины, руководя по мере сил и разумения, деятельностью РНМД и редактируя “Нашу Страну”, я всегда верил в то, что моя работа ценится как членами нашего Движения, так и всеми читателями газеты, — теперь я смело могу сказать, что я э т о з н а ю.

Высочайшее внимание и оценка, данная газете Главой Императорского Дома, подкрепленная отзывами и друзей, и подписчиков, и вовсе мне неведомых читателей, дала мне яркое подтверждение правильности той линии, которую я неизменно провожу в “Нашей Стране”.

Состояние моего здоровья очень медленно, но, благодаря возможности, предоставленной мне вами, дорогие друзья, лечиться по-настоящему, неизменно улучшается. К сожалению, я все еще не могу заняться ни чем иным, кроме самой неотложной работы по выпуску газеты, так как полтора-два часа, проведенных за импровизированным “письменным столом”, вызывают приступы тяжелой головной боли. Поэтому, настоятельно прошу тех немногих моих корреспондентов, которые торопят меня с ответом на свои письма, поверить мне, что я делаю в с е, что м о г у, и, если я не пишу писем, значит я е щ е не могу их писать.

Надеюсь, что, с Помощью Божией, в течение ближайших двух-трех недель, лечение даст более реальные результаты, которые позволят мне расширить нынешний круг моей работы. Пока же прошу всех моих корреспондентов принять мою глубокую благодарность за то тепло, которым проникнуты их письма и за ту материальную поддержку, без которой мы не могли бы справиться с неожиданно на нас нагрянувшей бедой.

Вс. Дубровский

НА ПОКРЫТИЕ РАСХОДОВ ПО ЛЕЧЕНИЮ В. К. ДУБРОВСКОГО поступили следующие суммы:

от Е. и А. Ливен — 20 дол., от М. Н. З-ва — 1.000 круз., от А. П. Г-ва — 1.000 круз., от П. Костова — 500 круз., от проф. М. Михайлова — 200 арг. песо, от А. Козловой — 5 дол., от Е. В. Паркер — 2 англ. ф., от Толстовского Фонда — 100 дол., от Н. Шейерман — 100 арг. песо, от полк. Родина — 10 н. фр. фр., от Б. И. Н. — 10 н. фр. фр., от Генерозова — 50 н. фр. фр., от Ходалицкого — 5 н. фр. фр., от г. Пеница — 5 н. фр. фр., от Дегтярева — 10 н. фр. фр., от Дмитриева — 10 н. фр. фр., от И. Н. Владимировой — 10 н. фр. фр., от В. М. — 50 н. фр. фр., от Сладкомедова — 5 н. фр. фр., от Хазова — 10 н. фр. фр., от Бородкина — 2 н. фр. фр., от Соколова — 50 н. фр. фр., от М. Александра — 3.000 арг. песо, от С. С. Кишкина — 200 арг. песо.

† 9-го сего февраля, в Париже, на 90-ом году жизни тихо скончался

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

БЕНУА

Редакция “Нашей Страны” скорбит о тяжелой потере, понесенной русским искусством и выражает искреннее соболезнование семье усопшего.

СОВЕТСКИЕ ЗАЛПЫ ПО ВОЕННЫМ МЕМУАРАМ

Советский читатель, и даже советский офицер, знакомясь с событиями минувшей войны только по описаниям, ловко сфабрикованным, но не соответствовавшим их личным переживаниям и наблюдениям, а также по сусальным романам и повестям: безупречные герои, безошибочные приказы, беспрерывные победы, бесспорные заслуги партии. Но в последние годы издательство иностранной литературы снабдило советский книжный рынок рядом мемуарных трудов (в переводе) выдающихся немецких, английских и американских военных предводителей. И советские люди увидели Отечественную Войну под иным, не официально-партийным углом зрения. Увидели, путем сопоставления описаний доморожденных и иностранных, что ни изданные Академией Наук СССР "Очерки по Истории Великой Отечественной Войны", ни лубочная беллетристика не говорили правды.

Повидимому, лучи правды с Запада произвели сильное впечатление: Военное издательство Министерства Обороны сочло необходимым приступить в этом году к печатанию серии книг под наименованием "Против фальсификаторов Истории Второй мировой войны", чтобы "оказать советскому читателю помощь, как в выработке более строго критического отношения к буржуазной историографии, так и в правильном осмыслении отдельных событий минувшей войны". В качестве первого "помощника" был выпущен маршал А. И. Еременко.

В его книге нет опровержения фактов, приводимых западными "фальсификаторами", есть только голословное отрицание всего, что противоречит советской версии. Не справившись с "фальсификатами", Еременко расправляется с "фальсификаторами", ругая их с заслуживающей удивления виртуозностью: оголтелый милитарист, фашистское отребье, стервятник, головорез, зловонная ложь — десятками таких убедительных аргументов блеснул советский маршал, думая, повидимому, что это называется полемикой.

После этого выстрела Еременкой, то же издательство сделало залп 18-ю генералами, полковниками, майорами, капитанами трех рангов. Эти "разоблачают" иностранных "фальсификаторов" не столь ругливо, но столь же неосновательно. Они не понимают того, что мемуары — не история, но только материалы для истории, что военные воспоминания и даже первые попытки систематизировать сведения о войне — не история: к составлению истории можно приступить, когда накоплен материал и когда образовалась историческая перспектива. А раз писания мему-

аристов не история, то нельзя ошибочное, неточное и субъективное в воспоминаниях огульно обзывать фальсификатами, как это делают советские "обличители" (субъективность писаний Эллиота Рузвельта, Черчилля, генерала Брэдли, маршала Монтгомери не дает права считать их фальсификациями истории). Скорее можно обвинить в фальсифицировании 18 сов. "обличителей", потому что каждая страница их книги пахнет тенденцией отвергать все версии, ради утверждения односторонней советской версии.

Обличая "фальсификаторов" правды, советские авторы оказываются узурпаторами правды. Они деспотически обращаются с правдой, отрицают достоверное, несомненное, непоколебимое. Хитлер, мол, не был стратегическим маниаком и не был тираном в отношении подчиненных ему стратегов: советские авторы, закрывши глаза, проходят мимо таких фактов, как увольнение Бека, Браухича, отчисление Гудериана и других генералов. Генералы, мол, не противились политике Хитлера, но были преданными нацистами: советские авторы, не желая и слышать о создании Хитлером СС-войск, в противовес вермахту, о бомбе 20 июня 1944 г. и о таинственной смерти Роммеля. Пустившись в полемику, 18 авторов выявляют свою неспособность к полемике: им, подстриженным под машинку коммунистического единообразия в мышлении, не понять ценности свободного разномыслия в Свободном мире. Они не умеют пользоваться разнообразием мнений в нашей военной и военно-политической литературе, и не хотят пользоваться им в целях приближения к истине, но вместо этого они произвольно выхватывают мнения, наиболее пригодные для подкрепления своих тенденциозных утверждений.

Обличая "фальсификаторов истории", советские авторы оказываются фальсификаторами и логики и истины. Они считают доказательством империализма создание германской армии при Гинденбурге и Хитлере, словно создание Сталиным самой большой в мире армии не может быть рассматриваемо империализмом. Они считают доказательством агрессивных намерений разработку генеральными штабами планов на случай войны, словно советский генеральный штаб не имел разработанных планов и словно все забыли советское хвастовство: "если будет "развязана" война, то мы будем воевать на чужой территории". В книге 18-ти авторов СССР изображен трогательно миролюбивым: захват прибалтийских государств — вклад в дело мира; удар в спину Польши — спасение белоруссов и западных украинцев от завоевания их фашистами. Такие утверждения никого не убеждают. И никто не поверит искренности

Политическая Хроника

МОНАРХИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В НЬЮ ЙОРКЕ

Нам пишут из Нью Йорка: Н. Н. Чухнов сообщает в "Знамени России", что в мае 1960 года, в Нью Йорке состоится съезд представителей Общероссийского Монархического Фронта. По сообщению Н. Н. Чухнова, пока еще не подтвержденному Исполнительным Бюро Фронта, съезд собирается для того, чтобы выработать дальнейшее направление работы Фронта, определить его новую тактику, обновить состав исполнительных органов и засвидетельствовать единство русских монархистов за рубежом и их преданность объединяющей их идее.

РУССКИЙ ОТДЕЛ НА ВЫСТАВКЕ В ФИЛАДЕЛЬФИИ

Нам пишут из Нью Йорка: В конце апреля 1960 года в Филадельфии состоится большая международная выставка, под которую отводится помещение, вмещающее до 25 тысяч посетителей одновременно.

На выставке будет показан русский отдел, организацией которого занято

советских авторов, когда они возмущаются Хитлером, потому что он гноил людей в концлагерях, разогнал политические партии и упразднил свободу печати. Авторы дальнорорки, а вблизи, вокруг себя, не видят. При таком дефекте зрения не следует брать за научную полемику.

Обличая "фальсификаторов", советские авторы становятся провокаторами. Они не понимают того, что, по окончании войны, каждый народ склонен искать оправдания или хотя бы объяснения понесенным им поражениям и происшедшим стратегическим недоразумениям. Немцы уверены, что военные события приняли бы другой оборот, не мешай Хитлер вермахту проявить свои боевые качества — а 18 авторов считают такое обеление бывшего вермахта подстреканьем нынешнего бундесвера к воинственности, к реваншизму, к "развязыванию" новой войны против СССР. Не важно — верно это или неверно, но важно, что книга 18 авторов сеет в советском народе ненависть к Германии и что ее появление нельзя не назвать провокацией воинственной агрессивности.

Американские и английские мемуаристы оправдывают медлительность союзных стратегов в образовании "второго фронта", — а в книге 18-ти авторов вполне эту медлительность объясняют желанием капиталистического мира, чтобы СССР обессилел в борьбе про-

существующее в Филадельфии русское культурно-просветительное общество "Беседа". Общество надеется показать посетителям выставки все культурное богатство и многообразие России до захвата власти коммунистами. Оно надеется, что русские в Соединенных Штатах помогут ему в разрешении этой задачи, главным образом, путем предоставления экспонатов.

ЗАЯВЛЕНИЕ Н. Н. ЧУХНОВА

Нам пишут из Нью Йорка: В связи с тем, что выходящий в Нью Йорке орган "советских патриотов", журнал "Российской Независимости", в последнее время неоднократно ссылался на мнения русских зарубежных журналистов об отношении свободного мира к России и пытался создать этим впечатление, что русская эмиграция, особенно монархическая, воспринимает "советский патриотизм", редактор "Знамени России" Н. Н. Чухнов опубликовал следующее заявление:

"В связи с неоднократным упоминанием моего имени на страницах издающегося в Нью Йорке журнала "Российская Независимость", довожу до общего сведения, что я никакого отношения к этому изданию не имею, ему не сочувствую и антикоммунистическим не считаю".

тив Германии. Опять-таки не важно — верно это или нет, но важно, что в советском народе сеется сейчас ненависть к бывшим союзникам. И это тоже — провокация: в СССР растут воинственную мстительность.

И маршал Еременко и 18 его коллег не устают повторять, что войну выиграл СССР, что на Восточном фронте СССР стал победителем без иностранной помощи, что 96% потребностей СССР во время войны были покрыты собственными ресурсами и только 4% прислала Америка. Эти 4% вбивают в сознание советского человека, чтобы внушить ему: без американской помощи победили в ту войну, без чьей-либо помощи победим и Америку. Не важно — верно или нет, что прислано было лишь 4%, но важно, что, провоцируя советскую воинственность, военная литература, рудководимая Кремлем, не хочет признать простой вещи: большой потребляет килограммами жидкую и твердую пищу и кислород из воздуха, и разные лекарства, а во-время данная ему инъекция в несколько грамм спасает ему жизнь. Советские не желают признать, что Америка давала им целительные инъекции. И в этом — одна из крупнейших советских фальсификаций военно-исторических материалов о минувшей войне. Книжки против "фальсификаторов" полны фальсификатов.

Е. Месснер

И. СОЛОНЕВИЧ

6

ПРИПОЛЯРНЫЕ ОГУРЦЫ

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

И патруль прошел мимо меня, не посмея поинтересоваться не только рюкзаком, но и документами.

ЕСЛИ БЫ...

Если бы я почему бы то ни было остался в ББК, я провел бы эту спартакиаду так, как она проектировалась. "L'Humanité" распирало бы от энтузиазма, а от Горького по всему миру растекался бы его подзаборный елей. Я жил бы лучше, чем на воле. Значительно лучше, чем живут квалифицированные специалисты в Москве, и не делал бы ровно ни черта.

Все это не очень красиво?

Все это просто и прямо отвратительно. Но это есть советская жизнь, такая, какая она есть...

Миллионы людей в России дохнут с голоду и от других причин, но нельзя себе представить дело так, что перед тем, как подохнуть, они не пытаются протестовать, сопротивляться и изворачиваться.

Процессами этого изворачивания наполнены все советские будни, ибо протесты и открытое сопротивление безнадежны.

Не нужно схематизировать этих будней. Нельзя представить себе дело так, что с одной стороны существуют беспощадные палачи, а с другой — безответные агнцы. Палачи — тоже рабы. Успенский — раб перед Ягодой, а Ягода — перед Сталиным. Психологией рабства, изворачивания, воровства и халтуры пропитаны будни. Нет Бога, кроме мировой революции, и Сталин пророк ее. Нет права, а есть революционная целесообразность, и Сталин единственный толкователь ее. Нет человеческих личностей, а есть безличные единицы "массы", приносимой в жертву мировому пожару...

Административный вихрь, рожденный в кабинете Успенского, произвел должное впечатление на лагерную администрацию всех рангов. Дня через три меня вызвал к себе Поккалн. Вызов был сделан весьма дипломатически: ко мне пришел начальник лагпункта, тов. Дорошенко, сказал, что Поккалн хочет меня видеть и что, если у меня есть время, не откажусь ли я заглянуть к Поккалну.

Я, конечно, не отказался. Поккалн был изысканно вежлив: в одном из приказов всем начальникам отделений вменялось в обязанность каждую пятитидневку лично и непосредственно докладывать Успенскому о проделанной работе. А о чем, собственно, мог докладывать Поккалн?

Я был столь же изысканно вежлив. Изобразил доклад Успенскому, и я сказал Поккалну, что для медгорского отделения ему придется найти специального работника. Я, дескать, работаю не как-нибудь, а в масштабе всего ББК. Никакого такого работника у Поккална, конечно, и в заводе не было. Поэтому я, снисходя к Поккалновской административной слабости, предложил ему пока что услуги Юры. Услуги были приняты с признательностью, и Юра был зачислен инструктором спорта медгорского отделения ББК — это было чрезвычайно важно для побега.

Потом мы с Поккалном наметили место для жилья будущих участников спартакиады. Я предложил лагерный пункт Вичку, лежащую верстах в шести к западу от Медгоры. Вичка представляла ряд технических преимуществ для побега, которые, впрочем, впоследствии так и не понадобились. Поккалн сейчас же позвонил по телефону начальнику вичкинского лагпункта, сообщил, что туда прибудет некий тов. Солоневич, обремененный политическими заданиями и действующий по личному приказу тов. Успенского. Поэтому, когда я пришел на Вичку, начальник лагпункта встретил меня точно так же, как некогда товарищ Хлестаков был встречен товарищем Сквозник-Дмухановским.

Сама же Вичка была достаточно любопытным произведением

советского строительства. На корчеван лес, вывезены камни, жерей. Это было огородное хозяйство и распределителей.

В Москве для того, чтобы нужен великий запас изворотливы были покрыты стеклом, и огурцы, помидоры, арбузы и дыни злился навоз, команды Вохра в крошку коровьих экскрементов количество народного труда и...

Так как я прибыл на Вичку все же весьма подозрительного как, конечно, не мог поверить, что все это из-за какого-то фу меня не проведете, знаем мы... ший агроном Вички — тоже з ня демонстрировать свои огоро...

Демонстрировать, собственн локовые огурцы и такой ж арбузы и дыни еще должны бы огородное хозяйство. Освоение ние социалистической агрикульту шевиков нет ничего невозможн...

Невозможного, действительн лении к труду можно и на се выращивать: отчего нет? Но с всего того, что был ухлопан п гору можно было бы завалить лороссии без всякого стекла, б фокусов. Правда, в результате в Малороссии расти перестали.

Агроном оказался энтузиаст futurum подавляюще доминиру...

Вл. Ф. Вальдемарс

О советском шпионаже

Мои друзья прислали мне из Америки небольшую книжечку, изданную в Вашингтоне, в 1959 году, комиссией по расследованию антиамериканских действий, председателем которой состоит конгрессмен Фрэнсис Уолтер. Эта комиссия, образованная в 1946 году Палатой Представителей, не раз навлекла на себя грубые нападки советской прессы. Совсем недавно, в январе, советская печать вновь обвинила конгрессмена Уолтера и его сотрудников в том, что они "срывают советско-американское сближение". Эти обвинения понятны — комиссия неустанно, особенно в последние годы разоблачает подрывную работу советской агентуры в Соединенных Штатах. Не все то, что ей удается обнаружить, становится достоянием гласности, но и то, что комиссия сообщает общественному мнению Америки, свидетельствует об ее широкой и разносторонней осведомленности.

Книжечка, о которой я пишу, озаглавлена: "Методы советского шпионажа". Она содержит текст доклада, представленного комиссией Палате Представителей. В этом докладе, со ссылкой на множество фактов и свидетельских показаний, комиссия касается многих вопросов и проблем, так или иначе связанных с советским шпионажем. Нам, эмигрантам, особенно необходимо познакомиться с той частью доклада, в которой описаны попытки руководителей советского шпионажа в Соединенных Штатах завербовать агентов в эмигрантской среде. Насколько мне известно, наша зарубежная печать еще не познакомилась с этой частью доклада, в которой описаны попытки руководителей советского шпионажа в Соединенных Штатах завербовать агентов в эмигрантской среде. Насколько мне известно, наша зарубежная печать еще не познакомилась с этой частью доклада, в которой описаны попытки руководителей советского шпионажа в Соединенных Штатах завербовать агентов в эмигрантской среде.

Мария Зетко, — рассказывает комиссия, — натурализованная американская гражданка, служащая в учреждении, имеющем отношение к обороне Америки. Некоторое время тому назад она обратилась в Вашингтоне к посольству того государства, где она родилась, чтобы навести справки о родственниках, оставшихся на территории этого коммунистического государства. Вскоре после этого, один из служащих посольства сделал несколько попыток завербовать Зетко на службу советского шпионажа. Он пытался получить от нее сведения, касающиеся политики и намерений того учреждения, в котором она служит. Он просил ее сообщить посольству данные о лицах, работающих в американской Центральной Разведке, в военных разведывательных школах, в "Голосе Америки" и в Государственном Департаменте, и могущих способствовать советскому шпионажу и инфильтрации. Он уговаривал Зетко пригласить к себе его самого и некоторых влиятельных служащих ее учреждения для того, чтобы выведать у них сведения о тенденциях американской политики. Он говорил Зетко, что, в случае недоразумений или неприятностей, вызванных ее участием в советском шпионаже, она немедленно получит паспорт коммунистического государства, сможет покинуть Соединенные Штаты и будет устроена на службу на своей родине. Тот же коммунистический "дипломат", который вербовал Марию Зетко, был в то же время занят переговорами с американскими учреждениями об обмене студентами между его государством и Соединенными Штатами "во имя мира и улучшения взаимоотношений".

Джон Фельтан — натурализованный американский гражданин, принимающий активное участие в жизни антикоммунистических эмигрантских организаций, созданных гражданами его родины, ныне захваченной коммунистами. Его связь с этими организациями была источником его контакта с некоторыми американскими правительственными учреждениями. Недавно к нему, в Вашингтоне, обратился один из членов коммунистического посольства его родины. Этот "дипломат" пытался уговорить Фельтана стать осведомителем посольства и не скрыл от него, что сведения, которые он добудет, нужны Москве. В своих разговорах с Фельтаном, "дипло-

мат", — по словам комиссии, — проявил исключительную осведомленность о многих активных антикоммунистах-эмигрантах, ныне проживающих в Америке. Он также оказался очень хорошо информированным о некоторых правительственных чиновниках, занимающих ответственные должности в американских учреждениях, и о выполняемой ими работе. Он расспрашивал Фельтана, почему некоторые из этих чиновников были переведены на другие должности. Он интересовался заработком этих чиновников, их финансовым и семейным положением. Он просил Фельтана узнать имена тех чиновников, у которых могут оказаться родственники за Железным Занавесом. Он предложил Фельтану деньги за сообщенные сведения и, в то же время, напомнил ему, что у него есть родственники на его родине и что их постигнут неприятности, если Фельтан не согласится стать коммунистическим агентом.

Станислав Саловский много лет тому назад переселился в Соединенные Штаты из страны, которой коммунисты овладели после войны. Он стал американским гражданином, создал процветающее предприятие, женился и воспитал многочисленную семью. Став американцем, он, в то же время, не порвал связи со своими бывшими соотечественниками и стал членом их национального клуба в том городе, где и жил. Несколько лет тому назад этот клуб основал комитет, целью которого было способствовать иммиграции в Америку из той страны, где Саловский родился. Саловский помог этому комитету своими пожертвованиями и был избран в его правление. Комитет, однако, сразу столкнулся с препятствием — коммунистические власти родины Саловского отказывали в выездных визах тем, кому комитет хотел помочь переехать в Соединенные Штаты. Для устранения этих препятствий Саловский, по поручению комитета, вступил в переговоры с консульством этого коммунистического государства в Нью Йорке. Ему было сказано, что консульство охотно поможет комитету, если Саловский, со своей стороны, не откажет консульству в некоторых небольших услугах. В частности, служащим консульства не всегда возможно выехать из Нью Йорка. Поэтому они будут признательны Саловскому, если он поможет им в закупках и, время от времени, будет привозить в Нью Йорк товары, купленные в другом городе. Ничего не подозревая, Саловский согласился. Через несколько недель, консульство позвонило ему по телефону и спросило, не собирается ли он в Нью Йорк. Саловский ответил утвердительно. Тогда консульство попросило его заехать в один из магазинов в Бостоне и доставить оттуда в Нью Йорк пакет с товарами. Саловский это поручение исполнил. В течение трех лет Саловский исполнял, таким образом, просьбы консульства — привозил и отвозил пакеты в разные города, не только в Соединенных Штатах, но и в Канаде. Наконец, когда он однажды привез в консульство пакет, его попросили подождать. Через несколько минут ему было сказано пройти в кабинет одного из служащих консульства, который заговорил с ним резко и грубо. Он сказал Саловскому, что доставленный им пакет содержал секретные сведения и что в течение трех лет Саловский был курьером советской организации шпионажа. За это, — сказал представитель консульства, — Саловскому грозит в Соединенных Штатах смертная казнь или, в лучшем случае, продолжительное заключение и, поэтому, единственным выходом для него остается отныне добровольное сотрудничество с советской сетью. Представитель консульства также сказал Саловскому, что у него прекрасные дети и внуки и что он должен подумать об их судьбе прежде, чем принять решение. Задача же, данная Саловскому консульством, должна была состоять в том, что, время от времени, он должен был способствовать через свой комитет въезду в Америку кандидатов, имена которых были бы ему названы консульством. Саловский вернулся домой в полном страхе и отчаянии. В течение нескольких месяцев он никому не говорил о случившемся и начал пить. Наконец, он все рассказал своей жене. Между тем, консульство начало его вы-

зывать по телефону. В ответ на первый вызов, он сказался больным. В ответ на второй, он сказал, что его предприятие перестраивается и что он не сможет его покинуть до окончания работ. В третьем разговоре по телефону, представитель консульства перешел к угрозам и сказал, что упорство Саловского может привести к исчезновению одного из его внуков, который затем окажется за Железным Занавесом. После такой угрозы, Саловский решил, наконец, посоветоваться с настоятелем своего прихода. Американские власти вмешались в это и дело "дипломат", угрожавший Саловскому был выслан из Соединенных Штатов.

Иосиф Зент и его жена — натурализованные американские граждане. Зент — уроженец страны, находящейся ныне под коммунистическим владычеством. Его жена родилась в другом государстве, также захваченном коммунистами. Некоторое время тому назад жена Зента узнала, что ее родственник, все еще живущий на ее родине, серьезно болен и нуждается в лекарствах, которых в этой стране получить нельзя. Посоветовавшись с мужем, г-жа Зент попросила его сходить в коммунистическое посольство этого государства в Вашингтоне и узнать, можно ли послать в эту страну нужные ее родственнику лекарства. В посольстве Зенту сказали, что нужно навести справки и что ответ будет ему вскоре сообщен. Вскоре Зент был вызван в посольство, где его подробно расспросили о нем самом, об его жене и о больном родственнике и сказали, что единственная возможность помочь больному состоит в посылке лекарств через посольство. Супруги Зент приобрели лекарство и передали его посольству. Зент состоит на службе американского учреждения, имеющего доступ к секретным сведениям, касающимся обороны Америки. Каждый раз, когда он или его жена передавали посольству лекарство, представитель посольства задавал им вопросы, касающиеся засекреченной работы упомянутого учреждения. Тот же "дипломат" пытался убедить жену Зента съездить на родину, чтобы навестить больного родственника, но до того, как принять решение, она решила посоветоваться с мужем и с американскими правительственными учреждениями, которые отговорили ее от такой опасной поездки.

Роза Бартин, натурализованная американская гражданка, проживающая в промышленном центре в Северо-Восточной части Соединенных Штатов, иммигрировала в Америку 15 лет тому назад из государства, которое подпало впоследствии под коммунистическое владычество. Года два тому назад она узнала, что ее престарелая тетка, заменившая ей мать, и попрежнему жившая на ее родине, тяжело больна. Надежды на выздоровление больной не было и Бартин решила навестить ее. Она обратилась в Вашингтоне в посольство того коммунистического государства, в котором жила ее тетка. Ей было сказано, что она должна обратиться в определенное бюро по устройству путешествий и что через это, именно, бюро она вскоре получит визу. Последовав этому совету, Бартин, действительно, вскоре получила визу и поехала на родину. Условия жизни на родине ее поразили. Экономические условия жизни оказались крайне неблагоприятными. Население ее родной деревни работало с раннего утра до позднего вечера, но его заработка не хватало на пищу и одежду. Местный священник совершал воскресные богослужения по вечерам, так как по утрам и по воскресеньям работа не прерывалась. После своего возвращения в Америку, Бартин, в разговорах со знакомыми, очень отрицательно отзывалась о том, что она видела за Железным Занавесом. Вскоре ее посетил один из членов коммунистического посольства в Вашингтоне, хотя от Вашингтона до города, где Бартин проживала, было далеко. Этот "дипломат" разговаривал с Бартин несколько часов подряд, интересуясь, главным образом, не вывезла ли она из-за Железного Занавеса каких-либо фотографических снимков, в частности фотографий ее тамошних друзей и родственников. После этого посещения, Бартин узнала, что у ее больной тетки побывали представители коммунистической власти и потребовали сообщения точного адреса Бартин в Америке. Из разговора этих коммунистических полицейских с теткой Бартин было совершенно ясно, что они знают, как Бартин в Америке отзывается о жизни за Железным

Занавесом. Коммунисты сказали тетке Бартин, что даром такие отъезды не пройдут.

Некто Рудовский родился в Соединенных Штатах, но его родители происходят из европейского государства, ныне захваченного коммунистами. Сам Рудовский состоит на службе одного из самых крупных американских авиационных заводов. На родине его семья осталась его дедушка и бабушка, о которых он никогда не имел никаких сведений. Недавно Рудовский получил письмо, написанное, якобы, сестрой милосердия, ухаживающей за его больной бабушкой. В письме было сказано, что бабушка Рудовского психически больна вследствие того, что ей пришлось пережить во время германской оккупации, и нуждается в помощи. Рудовский дважды написал своей бабушке и получил ответы на оба письма, написанные, как и первое сообщение, то же "сестрой милосердия". Третье письмо вернулось обратно с указанием, что адресат почты неизвестен. Тогда Рудовский поехал в Вашингтон и обратился в коммунистическое посольство с просьбой помочь ему наладить связь с бабушкой. Через несколько недель посольство ему сообщило, что его бабушка арестована и находится в заключении, как уличенная в контрреволюционной агитации. Прошло еще несколько недель и Рудовский посетил коммунистический "дипломат", сказавший, что посольство готово помочь его бабушке, если Рудовский, со своей стороны, окажет посольству некоторые услуги. Рудовский спросил, в чем эти услуги должны состоять. Ему было отвечено, что посольству нужны сведения о том авиационном заводе, на котором он служит. После этого состоялось еще несколько встреч, во время которых "дипломат" настойчиво подчеркивал, что посольство поможет бабушке Рудовского только в том случае, если он сообщит посольству сведения о заводе. Рудовский на это не пошел и его связь с посольством на этом оборвалась. Никаких сведений о судьбе своей бабушки он с тех пор не получал.

Джон Тентил — натурализованный американский гражданин, иммигрировавший в Соединенные Штаты в 1935 году из страны, ныне захваченной коммунистами. Он женат на американке, у него трое детей. Его родители живут на родине и с тех пор, как эта страна подпала под власть коммунистов, Тентил получал только отрывочные сведения о судьбе своего отца и матери. Под влиянием разговоров об "оттепели", Тентил поверил в то, что за Железным Занавесом произошла полная перемена к лучшему. В 1956 году он, захватив с собой старшую дочь, поехал навестить своих родителей. Вскоре после его приезда в родной город, на квартиру его родителей явились агенты коммунистической полиции. Они подвергли приезжего продолжительному допросу, который касался преимущественно его знакомых и друзей — эмигрантов, проживающих в Соединенных Штатах. Особенно подробно коммунистические полицейские расспрашивали Тентила об эмигрантах, известных своими антикоммунистическими взглядами, и об эмигрантских антикоммунистических организациях. Эти допросы повторились несколько раз, причем Тентилу угрожали, что отказ от ответов повлечет арест

ПРИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ. SERVICIO SOCIAL INTERNACIONAL.

Paseo Colón 255, Planta Baja, Buenos Aires

(Тел. 33-2274 и 34-6151)

открыт отдел ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ

Беженцы всех национальностей могут поэтому обращаться в вышеуказанное учреждение по следующим делам: Информасион сумариа; (заменяющий метрику о рождении); исправление гражданских актов; исправление седуль; все хлопоты в Рехистро Сивиль; юридические проблемы семейного характера и найма квартир; хубиласион; пенсии; вопросы работы (увольнения, несчастные случаи и т. д.).

Эта помощь включает бесплатную консультацию адвоката.

Прием: по средам от 9-ти до 13-ти часов, по вторникам и четвергам от 16-ти до 20-ти часов.

Г. Месняев

НАШ ЧЕХОВ

Сто лет тому назад, 17 января с. с. 1860 года, родился А. П. Чехов. Несмотря на то, что за столетие, отделяющее нас от этого события, человечество, пережив грандиозные катастрофы, переориентировало почти все жизненные ценности и стало смотреть на мир совсем другими глазами, творчество Чехова не только не потеряло своего значения, но продолжает с неослабевающей силой влиять на чувства современных людей, сохраняя свое неувядающее обаяние.

В чем же секрет этого обаяния? Почему из плеяды русских писателей, современников Чехова, среди которых было немало одаренных и по-настоящему талантливых людей, доступное писателю бессмертие, или, вернее, долготелние, выпало на долю именно того писателя, которого современная ему критика считала «безыдейным», а его произведения не имеющие никаких данных для долготелтия? Где, сейчас, например, Горький, пользовавшийся, в свое время, поистине сумасшедшей славой; где Андреев, потрясавший своих читателей псевдофилософским глубокомыслием; где Брюсов, Бальмонт, Сологуб, Арцибашев и многие др., казавшиеся некогда бесспорными кандидатами на бессмертие? Все они канули в вечность, и не потому, что они были не талантливы и не имели в себе искры Божией, а потому, что эту искру они употребили не для того, чтобы зажечь чистое пламя искусства, а на разжигание низменных человеческих страстей, темных инстинктов и на служение революции. Писатели эти, в погоне за быстро преходящими рукоплесканиями толпы, уходящая ее вкусам, разменивали свои дарования на служение текущим злобам дня, и потому все ими созданное поблекло и потеряло свой аромат, как только эти злобы миновали.

его родителей. Комиссия подчеркивает в своем докладе, что сам Тентил, не имеющий никакого отношения к обороне или политике Соединенных Штатов, не мог сообщить коммунистам ничего важного, но, благодаря ему, коммунисты все же получили ценные сведения о живущих в Америке эмигрантах.

Елена Фрош родилась в Америке, но ее родители были уроженцами России и, после революции, вернулись туда. Самой Фрош было тогда десять лет. Став взрослым человеком, она решила возвратиться в Соединенные Штаты, но ей долго не удавалось получить советской выездной визы. Она вышла замуж за советского гражданина и от этого брака у нее родилась дочь. Несколько лет спустя, ей было неожиданно сообщено, что, как американская гражданка, она может покинуть СССР с условием, что за границей она не будет отзываться о нем отрицательно. Фрош приняла это условие. Она надеялась, что ей удастся выписать в Америку мужа и дочь, но в течение многих лет все ее старания были бесплодны — советские власти не позволили ее близким выехать из России. В конце концов Фрош получила в Америке службу на заводе, работающем на оборону, получила и развод со своим оставшимся в России мужем и вышла замуж за американца. Много лет спустя она, совершенно неожиданно, получила письмо от дочери. Дочь приглашала ее приехать в СССР, чтобы ее повидать. К письму дочери было приложено краткое письмо советского учреждения о том, что, если Фрош сама приедет в СССР за дочерью, она сможет вернуться в Соединенные Штаты вместе с нею. В 1956 году, поверив «оттепели», Фрош отправилась в Москву, захватив с собой 10-летнего сына от своего второго брака. В Москве она немедленно зарегистрировалась в американском посольстве и сообщила посольству свой адрес. В деревне, где жили бывший муж и дочь Фрош, она убедилась, что они оба — коммунисты. Во время пребывания в этой деревне бывшего мужа, Фрош неоднократно навещала «друзья», подвергавшие Фрош допросам. Некоторые из этих «друзей» открыто говорили о своей принадлежности к МГБ. Ей задавались вопросы о заводе, на котором она сама служит; о другом заводе, на котором служит ее второй муж; об авиационной базе, расположенной вблизи ее дома в Соединенных Штатах. Когда Фрош отказывалась отвечать на эти вопросы, ее обвиняли в том, что она при-

Иное дело с Чеховым. Его произведения отражают его духовную самостоятельность и независимость его мысли от общепринятых предрассудков и преубеждений: они лишены вовсе всякой политической тенденции, в них нет ни малейшего привкуса дешевой публицистики, и они, к тому же проникнуты подлинной поэзией.

Тяготение человеческого сердца к поэзии — неистребимо, настоятельно и требовательно. Душа человеческая, часто неосознанно, ищет красоты и, найдя ее, радуется и исполняется великой благодарности перед источником красоты.

В самом начале своей писательской деятельности Чехов так писал Д. В. Григоровичу, первому крупному русскому писателю тех времен, признавшему его писательский дар: «...Я глубоко убежден, что пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока еще кричат кулики и плачут чибисы, не забудут ни вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут Гоголя. Вымрут и забудутся люди, которых вы изображали, но вы останетесь целы и цевредимы. Такова ваша сила, таково, значит, счастье».

Писатель Григорович теперь основательно и по заслугам забыт. Его писания, полные нехудожественной тенденции, которую отрицал Чехов, не выдержали испытания временем. Но, приведенные выше слова Чехова, к нему обращенные, — могут послужить ответом на вопрос: в чем секрет неумирающего обаяния творчества Чехова? Действительно, пока существуют летние ночи, шумят леса и поют птицы, т. е. до тех пор, пока жива животворящая поэзия Божьего мира, так тонко чувствуемая Чеховым, — будет жить он, как писатель. В основе его творчества лежит любовь к миру и людям, и это придает этому творчеству необыкновенное обаяние.

Такое обаяние особенно близко и понятно нам, русским людям, ибо со страниц чеховских повестей и рассказов на

ехала в СССР, как американский шпион. В течение многих месяцев советские власти отказывали ей в выездной визе и только своевременная регистрация в американском посольстве в Москве помогла Фрош и ее сыну вернуться, наконец, в Америку.

Мэри Харскинс прибыла в Соединенные Штаты в 1945 году из страны, которая ныне стала сателлитом СССР. Ее муж был убит во время войны. На родине у нее остались родители, брат и несовершеннолетняя дочь. В течение многих лет она получала от этих родственников только отрывочные сведения. Отец ее скончался. Под влиянием пазворов об «оттепели», Харскинс обратилась к коммунистическому посольству в Вашингтоне, с просьбой помочь ей выписать ее близких в Америку. Посольство посоветовало ей съездить для этого на родину. Прибыв туда, Харскинс возобновила свои старания. Через несколько недель, коммунистические власти сообщили ей, что они охотно выпустят ее родственников, если она окажет этим властям некоторые услуги. Харскинс приняла это предложение и выполнила несколько поручений коммунистической разведки в Западной Европе. Затем она вернулась в Америку. После ее возвращения коммунистический «дипломат», представляющий в Вашингтоне ее родину, установил с ней контакт и передал ей крупную сумму — вознаграждение за «работу» в Европе. Он одновременно потребовал от нее участия в коммунистическом шпионаже в Америке. Харскинс пошла и на это, взамен на обещание на приезд ее родственников в Соединенные Штаты. Это обещание так и осталось невыполненным. Комиссия не сообщает, как американские власти узнали обстоятельства этого дела — раскрыли ли они сами участие Харскинс в шпионаже, или она принесла повинную по собственному почину.

Все то, что сказано в докладе комиссии об эмигрантах, из которых только немногие родились или жили в России, относится, конечно, и к русским эмигрантам, не только в Соединенных Штатах, но и во всех остальных государствах свободного мира. Доклад комиссии содержит много любопытных сведений об этой сети советского шпионажа, покрывающий весь мир, не исключая и самого СССР, но об этом — в следующем раз.

Вл. Ф. Вальдемарс

Шаан (Лихтенштейн).

нас дышит живой жизнью была Россия — привольная, многоцветная, полнокровная и полнокровная, в которой жили наши отцы и которая дала миру Чехова.

«На крещение, в губернском городе Н. было устроено с благотворительной целью «народное гулянье», — так начинается небольшой рассказ Чехова «Мороз». — «От мороза побелели деревья, лошади, бороды, казалось, даже, сам воздух трещал не вынося холода, но несмотря на это, тотчас же после водосвятия озябшая полиция была уже на катке, и ровно в час дня начал играть военный оркестр».

Эта фраза сразу переносит нас в родную атмосферу русской зимы и воссоздает в нашей памяти теплый уют губернской и уездной жизни чеховских времен. Старый русский быт подвергался со стороны ненавистников былой России самому суровому порицанию и даже глумлению. У Чехова же он представлен в тонах мягкой патриархальности, благодушия и человеческой сердечности. В рассказе «Мороз» все эти черты представлены с большой художественной убедительностью.

В павильон, где собралось местное отборное общество: губернатор, архиепископ, городской голова и другие, вошел для доклада губернатору, «молодой, безусый окологородный с багровым носом и весь покрытый инеем».

«Глядя на его нос, мутные глаза и башлык, покрытый около рта белым инеем, все почему-то почувствовали, что у окологородного должно болеть сердце, что у него втянут живот и онемела душа...»

«— Послушайте,— сказал нерешительно губернатор: — выпейте глинтвейна. — Ничего, ничего... выпей! — замалчивая» голова. — Не стесняйся!

Окологородный взял в обе руки стакан, отошел в сторону и, стараясь не издавать звуков, стал чинно отхлебывать из стакана. Он пил и конфузился, а старики молча глядели на него, и всем казалось, что у молодого окологородного от сердца отходит боль, мякнет душа».

Точно так же мякнет душа и у нас, когда мы, читая Чехова, ощущаем его ровное и любовное отношение ко всем людям, будь они губернаторами, архиепископами, городскими головами или маленькими людьми, каким был промерзший на своем полицейском посту окологородный.

По банальному взгляду, усвоенному почти всеми литературными критиками, Чехова принято считать типичным русским интеллигентом, певцом «хмурых» и «скучных» людей, изобразителем духовной бедности, пустоты, дряблости и неприкаянности интеллигентных людей его времени. Тоскующие, не находящие места в жизни чеховские герои, по толкованию либеральной критики, были таковыми потому, что они, якобы, являлись жертвами русского «безвременья», мрачных времен так называемой «реакции».

Однако, это совсем не так. Чехов вовсе не специализировался на изображении какой-то особой породы русских людей, порожденной «реакцией». Он не задавался какими бы то ни было предвзятыми целями и вовсе не имел в виду дать какой-то обобщенный тип современного ему русского человека. Создав громадную галерею русских людей своего времени, самых разнообразных положений, состояний, профессий и проч., — он сам никаких обобщающих выводов не делал и делать не хотел. Однако, такой вывод, на далеком расстоянии от чеховских времен имеем право сделать мы, основываясь на своем неизмеримом и высокотрагическом опыте.

И, вот, когда мы попытаемся теперь представить мысленно всех чеховских персонажей, вдуматься в их давно ушедшие чувства, мысли и ощущения и постараемся понять откуда, собственно, происходило пессимистическое мироощущение большинства из них, мы можем сделать для себя довольно неожиданные выводы.

Мы заметим, что среди чеховских героев здоровое, бодрое мироощущение, любовь к жизни и способность наслаждаться ею — сохранили только те, которые не порвали корней, связывавших их с родной почвой, и, главным образом, с православием, с Православной Церковью и со всем тем светлым и чистым, что от них происходило.

Буквально все духовные лица, описанные Чеховым, представлены им бодрыми, деятельными, счастливыми.

В повести «Степь» дан исключитель-

но привлекательный облик рядового русского священника о. Христофора Сирийского. Он всегда добр, ясен, легок и светел. Говорит он умно, верно. «Счастливей меня во всем городе нет, — утверждает он. — Грехов только много, да ведь один Бог без греха: ежели б, скажем, царь спросил: «Что тебе надобно? Чего хочешь?» Да ничего мне не надобно! Всё у меня есть и всё слава Богу».

А вот епископ Петр («Архиерей») — это лучшее создание Чехова, — светлый, настоящий святитель.

«Отец его был дьякон, дед священник, прадед — дьякон и весь род его, может быть со времен принятия Русью христианства, принадлежал к духовенству, и любовь его к церковным службам, духовенству, к звону колоколов, была у него врожденной, глубокой, неискоренимой: в церкви он, особенно когда сам участвовал в служении, чувствовал себя деятельным, бодрым, счастливым». И такими же деятельными, бодрыми и счастливыми были и другие русские люди, не оторвавшиеся от родной почвы.

Твердое стояние в дедовской вере и счастье ощущать всю полноту жизни — в чеховское время было уделом немногих. Большинство же «скучных» и хмурых людей тех времен такого счастья не знало: они тосковали, не находили места в жизни, жили без вдохновения и порывов и мечтали о каких-то призрачных временах, когда, в силу не очень ясных и понятных, социальных и политических причин, люди на земле заживут новой, яркой и счастливой жизнью.

«Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как всё зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую... Мы отдохнем». Эти слова, кони кончается пьеса «Дядя Ваня» — очень трогательные, но, по существу, вовсе бессодержательные, как бы символизировали бесплодную мечтательность русской интеллигенции чеховской поры и ее болезненную склонность ко всякого рода фантазиям, и, в частности, к политическим.

И старый профессор из «Скучной истории» и многие другие русские интеллигенты чеховских времен, как убедительно вытекает из всего чеховского творчества, были не более, чем жертвами, принесенными русской интеллигенцией на алтарь своего неверия и космополитизма. «Безвременье», «реакция», отсутствие политических свобод — были здесь не при чем.

Подобно тому, как по многим намекам, рассыпанным в повестях и рассказах Чехова и по таким его произведениям, как: «Святой ночью», «Студент», «Архиерей», «Дуэль» (образ веселого дьякона), — мы можем уловить потаенную религиозную струю в творчестве Чехова, мы можем по скудным свидетельствам об его жизни, определить и то, что ему было не чуждо чувство пушкинского восхищения великодержавной Россией. В его произведениях об этом нет ни слова. Но из некоторых воспоминаний о нем, мы узнаем, что идея постановки памятника Петру Великому в Таганроге принадлежала ему, что он заказал статую Императора скульптору Антокольскому и сам выбрал место в Таганроге для постановки памятника. Петр Великий и Чехов — это совсем новый штрих в биографии замечательного писателя! Он один говорит о том, как мы мало знаем его и как далеко от правды шаблонное понимание Чехова и его творчества.

Наш Чехов, совсем не нытик, вовсе не типичный русский интеллигент (мало кто из русских писателей так сурово осуждал русскую интеллигенцию), не обличитель и не потрясатель основ русской жизни. Наоборот, именно эти почвенные основы, — может быть, даже не вполне им осознанные — дали его творчеству то направление, которое нам теперь помогает почувствовать в Чехове то новое и свежее, мимо чего совершенно равнодушно прошла современная ему литературная критика, не нашедшая в повестях и рассказах Чехова, столь ценных его обличительных политических тенденций. Именно отсутствие таких тенденций и наличие в чеховском наследстве совершенно явных религиозных настроений — делают Чехова глубоко национальным писателем и обеспечивают долготелние его благоухающему творчеству.

Г. Месняев

Протоиерей Н. Смирнов

ИСТОРИЯ ИОСИФА ЗАПИСАННАЯ НА ЯЗЫКЕ ДЕРЕВЬЕВ

В сорок первой главе "Бытие" помещается рассказ, который мы все слышали еще на школьной скамье. В этой главе рассказывается, что египетский фараон видел два сна, которые его очень поразили и содержание которых, конечно, у каждого в памяти:

Фараон видел выходящих из реки Нила семь тучных коров, за которыми вслед вышли семь коров тощих. Эти последние пожрали 7 тучных коров, но сами от этого не пополнили. Затем он увидел, что на одном стебле выросло сначала семь колосьев полных, а за ними семь колосьев пустых. Пустые колосья пожрали полные, но сами от этого не пополнили.

Придворные мудрецы и снотолкователи не могли помочь фараону понять эти сны. Это сделал находившийся в то время в египетской тюрьме Иосиф: он объяснил царю, что оба сна означали одно и то же, а именно: в скором времени в Египте наступит семь лет необычайно больших урожаев хлеба, за которыми последуют семь лет неурожайных. К этому объяснению Иосиф присоединил мудрый совет: в годы урожая запасать хлеб на время неурожая и этим спасти жителей страны от голодной смерти. В той же книге дальше повествуется, что все сбылось, как сказал Иосиф, и что благодаря его мудрым советам не только Египет, но и окрестные страны были спасены от ужасов голода. Рационалисты, не верящие в истинность библейских повествований, относятся к истории Иосифа, как к легенде. Однако, этот рассказ не легенда, а действительное событие, имевшее место в истории древнего Египта.

Автор этих строк со всей смелостью утверждает истинность данного события, так как оно оказалось записанным самой природой и записанным совершенно неожиданным способом. В двадцатых годах текущего столетия автор занимался исследованием зависимости прироста древесины деревьев от различных природных деятелей: от орошения, от осадков, климата, пожаров, вредителей, в связи с работами в этом направлении многих исследователей в России, в Америке и в Швеции. Тогда же было проведено исследование древесных остатков, сохранившихся в различных палеонтологических и археологических коллекциях. Особенно остановили наше внимание коллекции деревянных предметов, сохранившихся от времен древнего Египта. Таких предметов, в египетском Отделе Петербург-

ского Эрмитажа оказалось значительное число. Все они были в прекрасной сохранности, позволявшей точно установить, какое дерево было употреблено для той или другой вещи.

Таким образом, было выяснено, что часть вещей была сделана из деревьев, произрастающих до наших дней в Абиссинии и в областях верхних озер, откуда берет начало Голубой и Белый Нил. Эти породы были, конечно, в Египте привозными. Но не малое количество, находившихся в коллекции вещей было сделано из видов деревьев, до сих пор растущих в долине Нила. Среди этих видов столбами древнего Египта наиболее часто были использованы два вида: нильская акация и сикомора. Путем изучения строения древесины этих видов нам удалось установить, что имеется прямая зависимость ширины древесных колец от разлива Нила.

Как известно, от величины этих разливов зависит вся экономика Египта: когда разлив обильный, все население благоденствует, так как растительность Нильской долины в такие годы развивается бурно, поля дают обильный урожай; оказалось, что в такие годы и деревья, растущие по берегам Нила, образуют широкие кольца. В годы же слабых разливов — в стране неурожай и голод, а кольца деревьев становятся узкими, так как вся растительность страдает от недостатка влаги. Когда связь между урожаями и шириной древесных колец была установлена, я пришел к следующему заключению: если библейский рассказ передает действительно имевшее место в истории Египта событие, то 7 лет необычайных урожаев и семь лет сильных неурожаев должны были запечатлеться в кольцах произрастающих в то время на берегах Нила деревьев.

Тогда я попросил помощницу хранителя Египетского Отдела Эрмитажа (им в те годы был акад. В. В. Струве) г-жу Н. Д. Флитнер указать мне, какие деревянные предметы коллекций могут быть отнесены ко времени XIII-XVIII династий? К этой эпохе исследователи библейской археологии, как известно, относят историю пребывания евреев в Египте. Г-жа Флитнер указала мне ряд таких вещей. В числе их оказались: ящичек для хранения благовоний, сделанный из нильской акации, саркофаг одной из царевен, выдолбленный из сикоморы и некоторые другие предметы. Я произвел тщательное обследование этих предметов, начавши с ящичка для благовоний. Это небольшая вещица, приблизительно 12 см. длины, 7 см. ширины и 8 см. глубины. (В свое время у меня были сделаны точные измерения и снимки, но они погибли во время бегства из СССР). Сделан был этот

ящичек из одного и того же обрубка нильской акации. Обрубок был мастером расколот на тонкие дощечки, из которых при помощи растительной смолы и был склеен ящичек. Тожественность рисунка древесных слоев была видна на всех стенках ящичка, причем рисунок этот оказался исключительным: на всех дощечках бросалось в глаза наличие очень широких и очень узких слоев. Это чередование шло таким образом: сначала шла группа из шести необычайно широких слоев, а за ней непосредственно следовала группа, состоявшая из семи слоев очень узких. (Последовательность слоев во времени может быть установлена без особого затруднения каждым, кто знаком со строением так называемой весенней и осенней древесины). Выше мы сказали, что ширина древесных слоев на берегах Нила соответствует его разливам и связанным с этим урожаями или неурожаями. Таким образом, природа сама записала, что во время, соответствующее эпохе жизни Иосифа в Египте, в этой стране несколько лет подряд имели место обильные урожаи. В эти годы и деревья образовывали необычайно широкие кольца. Таких годичных колец на ящичке, нами обследованном, оказалось — шесть. Но и перед этими кольцами не были узкими, так что заметное расхождение с библейским рассказом о семи годах изобилия здесь нет. Относительно же следовавших за годами урожаев семи годов неурожая строение древесины, нами обследованной свидетельствует с неопровержимой точностью.

Кроме названного ящичка, мною был обследован также вышеозначенный саркофаг. Его сохранность была несколько хуже сохранности ящичка для благовоний, но все-таки и на древесине сикоморы, из ствола которой был сделан саркофаг, удалось обнаружить подобную же группу слоев, подтверждающих с неопровержимой ясностью, что в основе библейского рассказа лежит несомненный факт, записанный на страницах великой книги Природы.

О сделанном открытии, в общих чертах, я сообщил в публичном докладе на вечере в память Д. Н. Кайгородова в феврале 1928 года и пытался напечатать с приложением всех материалов, полученных исследованием. Сделать этого не удалось, так как цензурные условия, существующие в СССР, не позволяют напечатать ничего, могущего способствовать увеличению авторитета книг Священного Писания.

К сказанному считаю полезным присоединить справку, относящуюся к истории древнего Египта.

Согласно библейской хронологии, продажа Иосифа братьями в Египет и следовавшее за тем переселение туда

патриарха Иакова имело место за 18 веков до Рождества Христова. Некоторые историки устанавливают точно дату переселения Иакова, а именно 1825 год. Замечательно, что при фараонах XII династии, в частности при Аменемхете III, царствовавшем в эти годы, сеть искусственного орошения была значительно расширена и усовершенствована. Уровень воды в Ниле при фараонах XII династии отмечался на скалах около Семне, у 2-го порога. В надписи, обнаруженной здесь и относящейся к 14 году царствования Аменемхета (т. е. к 1835 году до Р. Х.) отмечен максимальный уровень, который превышал на 7 метров уровень воды, наблюдающийся теперь.

Очевидно, специальные чиновники следили за высотой подъема воды в Ниле, так как государственная власть отдавала себе ясный отчет в том, какое огромное значение для хозяйственной жизни страны имела система искусственного орошения, действие которой целиком зависело от количества воды в Ниле.

Особенно крупные работы в этот период имели место в Фаюмском оазисе. Здесь находилось большое водохранилище, названное греками Меридово озеро. Озеро соединялось каналом со шлюзами и эта система давала возможность регулировать орошение очень большой площади Фаюмского оазиса. (См. об этом у Масперо и Авдиева).

Остается добавить к вышеизложенному следующее: если бы можно было обследовать богатейшие египетские коллекции Британского и Каирского Музеев, мы несомненно, нашли бы еще ряд вещей, запечатлевших на себе события, описанные в последних главах книги Бытия.

Протоиерей Н. Смирнов

Декабрь 1959 г.

ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН
НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ
НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Доктор медицины с дипломами двух университетов: Бухарестского и Розарио (говорит по-русски).
Лечение и удаление (без боли) и протезирование зубов.
Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 541
p. 2, dpto. H
Capital T. E. 88-3605
(Один квартал от станции субterraneo "Пуэйрредон" по линии Федерико Лакросе).

... истории двух десятин был выпланы ямы и сооружены оранжереи для нужд чекистских сто-

... выбитое в окне стекло, и удачи. А тут две десяти-этим стеклом выращивались. Со всего ББК поездами каждую да было ухлопано огромное ных денег.

... качестве этакое почетного, но стья (начальник лагпункта нивсе эти приказы и прочее — ; в его глазах стояло: уж вы ко мне был приставлен стар-ченый, который потащил ме-достижения.

... было нечего. Были чахлые, ма-нат, помидоров еще не было, ыть. В общем — приполярное лярных массивов... Продолже-к полярному кругу: для боль-

... ет. При большевистском отно-ом полусе кокосовые пальмы атой только одной сотой доли кинские оранжереи, всю Мед-идорами, выращенными в Ма-ких достижений и без всяких огичных фокусов помидоры и

... Как у всех энтузиастов, у него над praesens.

— Все это, вы понимаете, только начало. Только первые шаги в деле сельско-хозяйственного освоения севера... Вот когда будет закончена электростанция на Кумсе — мы будем отапливать эти оранжереи электрическим током.

Вероятно, будут отапливать электрическим током. Уже был почти окончательно разработан проект сооружения на соседней речушке Кумсе гигантской, в 80 метров высотой, плотины и постройки там гидроэлектростанции. Постройка, конечно, проектировалась путем использования каторжного труда и каторжных костей. Какой-нибудь Акульшин, вместо того, чтобы у себя дома сотнями тонн производить помидоры без всяких гидроэлектростанций, будет гнить где-то под этой плотинкой, а помидоров, как и раньше, не будет ни там, ни там.

Еще один из нелепых порочных кругов советской реальности. Но коллекция этих кругов в каких-то вырванных из общей связи местах создает некоторое впечатление. Так и с этой Вичкой. Месяцем позже меня приставили в качестве переводчика к какой-то иностранной делегации. Делегация осматривала, ахала и охала, а я чувствовал себя так глупо и так противно, что даже и писать об этом не хочется...

Я испытующе посмотрел на агронома. Кто его знает? Ведь вот я организую во имя спасения шкуры свою совершенно идиотскую халтуру со спартакиадой. Может быть, спасает свою шкуру и агроном, со своей вичкинской халтурой? Правда, Вичка обойдется во много раз дороже моей спартакиады, но когда дело доходит до собственной шкуры, люди расходами обычно не стесняются, в особенности расходами за чужой счет.

Я даже попробовал было понимающе подмигнуть этому агроному, как подмигивают друг другу толковые советские люди. Никакого впечатления. Свои приполярные помидоры агроном принимал совершенно всерьез. Мне стало чуть жутко: боюсь я энтузиастов. И вот еще один энтузиаст. Для этих помидоров он своей головы не пожалеет — это достаточно очевидно, но еще в меньшей степени он позаботится о моей голове.

От агронома мне стало противно и жутко. Я попытался было

намекнуть на то, что на Днепре, Дону, Кубани, эти помидоры можно выращивать маллионами тонн и без никаких электрификаций, а места там, слава Богу, хватает и еще на сотни лет хватит. Агроном посмотрел на меня презрительно и замолчал. Не стоит, де, метать бисера перед свиньями. Впрочем, огурцами он меня снабдил в изобилии.

КУРОРТ НА ВИЧКЕ

Никакого барака для участников спартакиады строить не пришлось. В Вичке только что было закончено огромное деревянное здание будущей конторы совхоза, и я пока что прикарманил это здание для жилья моих спортсменов. Впрочем, там оказались не одни спортсмены: спартакиады я все равно проводить не собирался и подбирал туда всякую публику, преимущественно по признаку личных симпатий, так сказать, "протекционизм". Мы с Юрой оказались в положении этаких Гарун аль Рашидов, имеющих возможность на общем фоне каторжной жизни рассыпать вокруг себя благоденствия полтора-двух месяцев сытного и привольного житья на вичкинском курорте. Рассыпали щедро, все равно бежать; чем мы рискуем? Забирались в траву, на место нашего постоянного "разложения", "разлагались" там и выискивали: ну, кого еще? Помещение уже было, фонды питания, и хорошего питания, уже были выделены — жалко было оставлять пустующими курортные места. Так, для медицинского надзора за драгоценным здоровьем тренирующихся я извлек из центральной чекистской амбулатории одного престарелого хирурга, окончательно измотанного лагерным житьем, и в воздаяние за это — хотя тогда я о воздаянии не думал — я получил возможность подлечить свои нервы душами Шарко, массажем, электротерапией, горным солнцем и прочими вещами, которые в европейских условиях влетают, вероятно, в копейчку. Примерно таким же образом были извлечены две машинистки управления ББК, одна из которых отсидела уже семь лет, другая — шесть. Вообще на Вичку переводились люди, которые решительно никакого отношения к спартакиаде не имели и иметь не могли.

Дневник наблюдателя

А ЖИЗНЬ ИДЕТ ДАЛЬШЕ

Прошлая записка подавала надежды. Казалось, — что-то должно вот-вот случиться. Но не произошло ничего. Гора даже мыши не родила. Просто жизнь пошла дальше.

Аргентина напряженно готовится к приему почетного гостя, Президента Соединенных Штатов Северной Америки, Дуайта Эйзенхауэра. Перед отъездом, в Вашингтоне, он должен произнести речь, касаясь обороны США и разъясняя значение поездки в страны Южной Америки. Эта поездка свидетельствует о росте значения Южной Америки на карте мира в экономическом, политическом и оборонно-военном отношении, а факты говорят, что Южная Америка, в течение последних лет, является предметом волежеланий коммунистической экспансии в тех же самых отношениях. Можно надеяться, что дружественный визит Эйзенхауэра символизирует обреченность держав вместе страны Американского континента в общей политической, экономической и военно-оборонной линии.

Проявив больше внимания странам Латинской Америки, США способны весьма укрепить силы всего материка, повысить в Южной Америке свой престиж и ослабить влияние своего «союзника» по мирному сосуществованию.

Хрущев в Нью Дэлси обещал, что красивые китайцы не будут беспокоить Индию, а, может быть, даже и уберут своих солдат со спорного пограничного участка. Это важно знать, чтобы помнить о вассальном положении Красного Китая по отношению к СССР. Красный Китай никогда не станет во враждебное положение к СССР, хотя на это надеются многие близорукие политики и стратеги.

В Бирме Хрущева встречали более, чем «кисло», и он поторопился в Индонезию. Население островов Малайского архипелага длительным колониальным владычеством голландцев основательно подготовлено к коммунизму. Поэтому неудивительно, что Хрущева там принимали, как родного отца. Гор. Якарта разукрасился флагами всех цветов радуги, а помещенные коммунистической партии являло все эмблемы коммунизма, на первом месте среди которых была библейский голубь мира с зеленой веточкой. Надо думать, читатель тоже заметил уже, что голубь мира стал эмблемой коммунизма, неправда ли? «Через мир и мирное сосуществование — вперед к мировому коммунизму!» — вещает голубь с зеленой веточкой.

Сукарно принимает Хрущева в своем дворце. Которая из его жен принимает участие в банкетах неизвестно, но факт, что переговоры государственной важности происходят в обстановке домашнего уюта, заставляет учесть положение Индонезии на случай конфликта, как не слишком твердое для интересов западных демократий. Не слишком ли слабым местом это окажется в цепи обороны?..

Поездка Эйзенхауэра в Южн. Америку, быть может, поправит дело с Кубой, пока что записанной на счет доходов красной стороны. Об этом слишком ярко свидетельствовало самодовольное лицо Микояна. Кубинский сахар уже поплыл в СССР. Кубинцы с грустью подсчитали, что это для них — чистый убыток. При продаже в США сахар давал кубинцам 4 единицы, от СССР они получили только 3, что не покрывает производственной стоимости. Микояну было отчего быть веселым.

Но веселье его хватало через край. Дело в том, что он уезжал из Кубы в дни, когда подводная лодка, вторгшаяся в воды Аргентины, занимала передовые линии печати всего мира и когда в Гольфо Нуэво прибыло из США оборудование для борьбы с подводными лодками. Во время посадки самолета на пути из Кубы в Москву, журналисты спросили у Микояна, что, дескать, вы думаете об операциях против подводной лодки? И Микоян весело ответил: «Да наглушат много рыбы, и больше ничего!» Этот ответ прозвучал так, словно Микоян знает качества лодки и ее экипажа, чтобы в них сомневаться. Между строк его ответа звучало утверждение, что лодка эта — советская и такая хорошая, что ни аргентинцам, ни американцам ее достать не удастся. И это междустрочное значение вызвало настолько сильное впечатление, что, прибыв в Осло на пути в Москву, Ми-

коян, несмотря на недостаток времени, (что тоже было отмечено печатью), созвал журналистов и объявил официально, что, де, лодка это не советская.

Уже 24 страны сделали Аргентине свои заявления отказываясь от подводной лодки. Уже ослабело внимание общестественности к этой загадке, уже писали и о том, что склад, обнаруженный на побережье в Гольфо Нуэво, вовсе не склад, а заброшенная фабрика и намекалось, что и лодки-то либо нет, либо не было, либо, что достать ее невозможно. Официальные известия, однако, говорят, что она сидит попрежнему на дне. Какую тайну она хранит? Будет ли она когда-нибудь открыта?.. Попытки разрешить узел недоумения и покончить с тайной продолжают с неослабевающей интенсивностью. Принимаются новые меры. Остается терпеливо ждать.

Появляются первые ласточки позитивных результатов от широкой волны «визитации» между демократическим Западом и коммунистическим Востоком. А именно. После визитации итальянского премьера Гронки в Москву, итальянский министр иностранных дел Дж. Пелла формулировал заявление, в котором представил оперение хрущевских голубей мира так, что в нем проступает гораздо больше красного цвета, чем до сих пор полагалось его видеть по этикету сосуществования. Сеньор Пелла устанавливает, что советская сторона предлагает сосуществование не мирное, а соревновательное, что СССР стоит под знаком экспансии, в которой невозможно установить, является ли она империалистической и национально-русской, или же идейно-коммунистической. (Дж. Пелла не говорит, что между ударом «в лоб» и ударом «по-лбу» разницы нет). Он замечает, что советчики вполне уверены в своем военном и экономическом превосходстве над Западом и не боятся агрессии. Далее он говорит о твердости Италии в линии Атлантической обороны, имеющей особое значение в преддверии «вершинной конференции», причем значение это не в том, чтобы настанавать на своем, но чтобы охранять дело свободы, демократии и мира. Впрочем, отмечает, что СССР предпочел бы, вместо твердости Италии, видеть слабость.

Итак, что же? Со дней смерти Хитлера, после победы коммунистов в Корее и Вьетнаме, никто нигде не стреляет. Войны нет. В то же время все борются за мир и каждый убеждает другого в своем миролюбии. Если убрать за скобки все лишние слова, то получается такая картина: а) все влюблены в мир и все ненавидят войну; б) демократический Запад кроме того любит свободу и демократию; в) коммунистическая часть мира любит народную демократию и народную свободу, и хочет распространить ее на весь мир; г) Хрущев обещал демократиям, что он их похоронит, демократии Хрущева уверяют, что они его хоронить не хотят.

В загадке спрашивается: «О чем будут разговаривать соучастники вершинной конференции?»

Ответ: о Берлине.

По договору в Кэмп Дэвид, Хрущев обещал Эйзенхауэру не ставить никаких сроков. Только под этим условием Эйзенхауэр согласился на «вершинную конференцию». Это условие Хрущев выполняет честно. О сроках он молчит, но о деле — нет. Нет-нет да прорываются с советской стороны заявления, из которых становится совершенно очевидно, чего запросят, или, точнее сказать, затребуют большевики, сев за стол с главами правительств западных держав.

В данный момент их задача — получить некоторые права на Берлин, чтобы следом получить всю Германию. Раз вся Германия станет большевистской, за нею полетит и Франция. Но это — политика дальнего прицела. О том же, что коммунистам нужно по первому ходу, Хрущев говорил долго и ясно. Берлин!

Сейчас его посол в Зап. Германии, товарищ А. Смирнов, вручил специальную ноту Эрнху Олленхауэру (главному западно германский социалист), а потом созвал журналистов и заявил им, что Западный сектор Берлина должен быть превращен в «свободный город» под международным контролем, и, что если этого не удастся достигнуть, то

В ГОСТЯХ У МАТУШКИ ЗИМЫ

Так называется пьеса, предложенная вниманию детей школой организации Витязей в Буэнос Айресе после окончания учебного года.

Очень хорошая по содержанию, интересная, красочная — она произвела отличное впечатление.

Пьеса была поставлена автором и режиссером — опытной учительницей школы Анастасией Александровной Севрюгиной.

Общему впечатлению способствовали прекрасные декорации неутомимого труженика по созданию художественной стороны всех детских постановок, Д. В. Домрачева, очень мило поставленные балериной К. Зотовой детские танцы, а также с большим вкусом, старанием и любовью созданные родителями, по эскизам А. А. Севрюгиной, костюмы участвовавших в пьесе детей.

В пьесе реальная жизнь сочетается со сказкой — детской, неприхотливой; воспитательная часть с романтикой. Центральные роли — бабушка и внучка — Ляля Машорина и Лена Домрачева, провели очень хорошо, живо и любовно.

У бабушки и внучки к Рождеству нет елки, они очень бедны. Поздно. Бабушка ложится спать, но внучка не может успокоиться — ей хочется достать елку. И вот, потихоньку она выскальзывает во двор и приносит всего только веточку елки, которую начинает украшать, как может, но в своих трудах, милое дитя не выдерживает и засыпает.

Она видит сон: прилетели снежинки и зовут ее на праздник елки.

Снежинки кружатся вокруг Сонни (Леночки). Все такие красивые, свежие, воздушные. Среди этих снежинок очень симпатичное впечатление произвела синеглазая Машенька Уварова.

Очень милы были раздаваемые дедом Морозом игрушки: мячик — Лена Сухореброва, волчок — Лили Вальтер, кукла-боярышня — Таня Фальгельхаузер и другие. Сколько детской, искренней, непосредственной радости на личиках маленьких артисток! Это улыбка рождественского счастья для детей.

В этом — смысл елочных, рождественских постановок.

За эту именно детскую радость спасибо всем, создавшим и поставившим пьесу — «В гостях у матушки Зимы». Спасибо душе всего этого дела — А. А. Севрюгиной, гр. А. И. Уварову, хорошему организатору детских праздников и всем родителям, создавшим своим детям рождественскую радость, память о которой у них останется на всю жизнь.

М. Плавинская

Контора газеты «Наша Страна» очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

СССР заключит сепаратный мир с Панковским немецким правительством. Точно такую же ноту послал своим коллегам, «союзникам», командующим оккупационными силами Берлина, советский маршал С. Захаров.

Вспомним, что то же говорил и Хрущев, принимая итальянского премьера сеньора Гронки. Ясно, что и на вершинной конференции Хрущев скажет: «Отдайте Берлин!» Хорошо еще, если там не станут говорить о миролюбивых способах сметания с лица земли. Вот уж скоро и срок подойдет. Любопытно.

Захарову союзники ответили сейчас, что предлагаемые им шаги считать приемлемыми не приходится. Что-то ответят потом Хрущеву?

Отдадут демократы Германию советникам, или не отдадут?..

В прошлой заметке мы допустили ошибку. Югословенский кардинал Степинац погребен все-таки в Загребе. Очевидно католические власти добились разрешения, которого иттовцы не хотели давать. Римский Папа говорит, что Степинац будет причислен к лику святых, как пастырь, оставшийся при своем стаде в обстановке гонений. О судьбе венгерского кардинала Миндсенти не слышно ни слова. Из Ватикана сообщают, что археологи нашли место погребения св. Апостола Петра.

У английской королевы Елизаветы родился третий ребенок. Мальчик. После матери и брата Чарльза он является следующим наследником трона.

Наблюдатель

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

Телефон 52-7426

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405, Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogaley, Correo Central, Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M. P. O. C., Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Dias, Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe Ave., San Rafael, Calif.

Mr. A. Klushkin, 196, 6th Ave., Apt. B, San Francisco 18, Calif.

Russian Book Store "Russ", 443 Balboa Str., San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave., Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E 14th Str., New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456 Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 St. Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle Str., Toronto 3, Ont.

Mr. André Alpatoff, 172, Lakeshore Drive, Montreal 33 (Dorval), Que., Tel. No. M-1-0815.

EUROPE

Belgique: Libraire et Bibliotheque Slave, 13, rue de Roumanie, Bruxelles.

France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Westdeutschland: Herr S. Tovstoles, Hamburg - Gross - Borstel, Beerboomstücken 29/I, Wohn. 2.

Greece: Mr. Filatoff, rue Dedalou 26, Athenes.

Holland: Mej. A. Loeper, Anna Str. 1, Oosterbeek.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str., Buranda, Brisbane, Q.-d.

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond South Wentworthville, N. S. W.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина	6 песо
САСШ и Канада	— 30 цент.
Бразилия	— 18 крузейро
Венецуэла	— 1 боливар
Парагвай	— 10 гуарани
Уругвай	— 1 ур. песо
Чили	— 100 чил. песо
Австралия	— 1 ш. 3 пен.
Англия	— 1 ш. 3 пенса
Бельгия	— 10 белг. фр.
Германия	— 75 пфен.
Голландия	— 0.65 гульд.
Греция	— 4 драхмы
Марокко	— 75 нов. сент.
Франция	— 75 нов. сент.
Швейцария	— 1 шв. фр.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ	
Аргентина	— 7 песо
САСШ и Канада	— 35 цент.
Бразилия	— 20 круз.
Венецуэла	— 1.25 болив.
Парагвай	— 12 гуарани
Чили	— 150 песо
Австралия	— 2 ш. 6 пен.
Англия	— 2 ш. 6 пенса
Германия	— 1 нем. марка
Голландия	— 1 гульд.
Греция	— 8 драхм
Италия	— 200 лир
Франция	— 1.15 нов. сент.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату просим вносить не менее чем за 10 номеров вперед.